Эрих Фромм

ПРИРОДА БЛАГОПОЛУЧИЯ

> Эрих Фромм (1900-1980) возглавил развитие гуманистического психоанализа, был одним из первых западных психологов, проявивших активный интерес к мысли Востока. Среди его книг: "Искусство любви", "Бегство от свободы", "Человек для себя" и "Разумное общество".

В начале нашего века люди, посещавшие психиатра, страдали главным образом от симптомов. У одного оказывалась парализована рука, у другого появлялся навязчивый симптом вроде вынужденного мытья рук; или же посетители жаловались на неотвязные мысли, от которых не видели избавления. Иными словами, это были больные в том смысле, в каком слово "болезнь" употребляется в медицине; что-то мешало им функционировать в социальной сфере так, как функционирует так называемая нормальная личность. Если они страдали именно от таких расстройств, их понятие об исцелении соответствовало точно такому пониманию болезни. Им хотелось избавиться от подобных симптомов, и их понимание "здоровья" заключалось в том, чтобы не быть больными. Они желали оставаться здоровыми настолько, насколько бывает здоров средний человек; мы могли бы выразить эту концепцию и по-другому: они желали оставаться несчастными и обеспокоенными не в большей мере, чем средний член нашего общества.

Такие посетители все еще появляются у психоаналитиков в поисках помощи, и для них психоанализ продолжает оставаться терапией, целью которой является устранение их болезненных симптомов и возвращение им способности социального функционирования. Но если раньше в клиентуре психоаналитика они составляли большинство, то сегодня остаются в меньшинстве – возможно потому, что их число относительно уменьшилось в сравнении со множеством новых "пациентов", которые являются к психоаналитику, не зная, от чего они в действительности страдают. Они жалуются на подавленное настроение, бессонницу, на неудачные браки, на то, что не получают удовольствия от работы, и на многие сходные расстройства. Обычно они уверены в том, что тот или иной отдельный симптом и составляет их проблему, что если бы они смогли избавиться от этого отдельного расстройства, то были бы здоровы. Однако чаще всего эти пациенты не видят, что их проблема заключается не в подавленном настроении, не в бессоннице, не в неудачном браке или неподходящей работе. Эти различные жалобы представляют собой лишь сознательную форму, в которой наша культура позволяет им выразить нечто лежащее гораздо глубже и свойственное разным людям, сознательно уверенным в том, что они страдают от того или иного отдельного симптома. Общее же страдание – это отчуждение от самих себя, от своих собратьев, от природы; это осознание того факта, что мы умрем, не успев пожить, что мы живем среди изобилия и все же не имеем радости.

Но какую помощь может предложить психоанализ тем, кто страдает от этой "болезни века"? Такая помощь отличается и должна отличаться – от "излечения", состоящего из устранения симптомов, предлагаемого лицам, неспособным функционировать в социальной сфере. Для тех, кто страдает от отчуждения, излечение состоит не в отсутствии болезни, а в наличии благополучия.

Однако, если нам потребуется дать определение благополучия, мы встретимся со значительными трудностями. Оставаясь в пределах системы Фрейда, мы должны будем

определять благополучие в терминах теории либидо как способность полноты функционирования в половой сфере; или же, рассматривая явления под другим углом, мы определим благополучие как осознание скрытой эдиповой ситуации. Но, по моему мнению, эти определения остаются лишь касательными по отношению к реальной проблеме человеческого существования и достижения благополучия, необходимого человеку в его тотальности. Любая попытка дать приблизительный ответ на проблему благополучия должна выйти за пределы системы координат Фрейда и привести к дискуссии, хотя и неполной, об основном понятии человеческого существования, которое лежит в основе гуманистического психоанализа. Только таким образом сможем мы заложить основу для сравнения между психоанализом и дзэн-буддизмом.

В первом приближении можно дать следующее определение благополучия: благополучие есть пребывание в согласии с природой человека. Если мы пойдем далее этого формального утверждения, возникнет вопрос: что это значит пребывать в согласии с условиями человеческого существования? Каковы эти условия?

Само человеческое существование – это постановка вопроса. Человека бросают в этот мир без его желания и забирают из него опять-таки против его воли. В противоположность животному, которое в своих инстинктах обладает "встроенным" механизмом приспособляемости к своему окружению и живет полностью внутри природы, человек лишен этого инстинктивного механизма. Он должен прожить свою жизнь, а не жизнь живет внутри него. Он находится внутри природы, однако выходит за ее пределы; он обладает самосознанием, и это осознание себя, как отдельного существа, заставляет его чувствовать невыносимое одиночество, покинутость, бессилие. Сам тот факт, что он рожден, является проблемой. В момент рождения жизнь предлагает человеку вопрос, и на этот вопрос он должен дать ответ, причем ответ необходимо давать в любой момент; и этот ответ дает не его тело, не ум, а он сам, личность, которая думает и мечтает, которая ест, пьет, спит, плачет и смеется, – на поставленный жизнью вопрос должен отвечать человек в целом. Что же это за вопрос? Вот он: как нам преодолеть страдания, скованность, стыд, создаваемые переживанием этой нашей отдельности? как нам обрести союз с самими собою, с нашими собратьями-людьми, с природой? Человеку необходимо каким-то образом ответить на этот вопрос; и ответ дается даже в состоянии безумия человек выбивает из себя реальность и живет, полностью замкнувшись в скорлупу своего "я", преодолевая таким образом ужас отдельности.

Вопрос всегда остается одним и тем же. Однако на него есть несколько ответов. А если смотреть в самый корень, то этих ответов оказывается только два. Один из них заключается в том, чтобы преодолеть отдельность и найти единство при помощи регрессии, возвращения к состоянию единства, существовавшему до того, как возникло осознание, до того, как родился человек. Другой ответ заключается в том, чтобы вполне родиться, развить свои осознание, разум, способность любить – и все это до такой степени, чтобы преступить пределы собственной эгоцентрической вовлеченности и прийти к новой гармонии, к новому единству с миром.

Говоря о рождении, мы обычно имеем в виду акт физиологического рождения, который происходит у человеческого младенца приблизительно через девять месяцев после зачатия. Но значение этого рождения во многих отношениях переоценивается. В своих наиболее важных аспектах жизнь младенца в течение недели после рождения более напоминает внутриутробное существование, а не существование взрослого человека. Однако имеется один уникальный аспект рождения: при нем перерезается пуповина, и ребенок начинает свою первую деятельность – дыхание. С этого момента всякое разрушение первоначальных связей становится возможным только в той степени, в какой это разрушение будет сопровождаться подлинной деятельностью.

Рождение – не единый акт; рождение – это процесс. Цель жизни заключается в том, чтобы вполне родиться, хотя в силу особого трагического ее элемента большинство из нас умирает еще до того, как успевает таким образом родиться. Жить значит ежеминутно рождаться. Когда прекращается рождение, наступает смерть. Физиологически наша клеточная система пребывает в процессе постоянного рождения; но психологически большинство из нас в определенном пункте перестает рождаться. Некоторые люди появляются на свет совершенно мертворожденными; они продолжают жить лишь физиологически, тогда как психологически в глубине их существа скрывается желание вернуться в матку, в землю, во тьму, в смерть; они безумны или почти безумны. Многие другие продолжают двигаться по пути жизни, однако они неспособны полностью как бы перерезать пуповину и остаются в состоянии симбиотической привязанности к матери, к отцу, к семье, к расе, к государству, к своему положению, к деньгам, к божествам и т.п., они никогда не проявляются полностью в виде самих себя – и, таким образом, никогда не рождаются полностью.

Регрессивная попытка дать ответ на проблему существования может принимать различные формы; но у всех у них есть одно общее свойство – они обязательно кончаются неудачей и ведут к страданию. После того как человек оказывается вырван из дочеловеческого райского единения с природой, он никогда не может возвратиться туда, откуда пришел; его возвращению препятствуют два ангела с огненными мечами. Возвращение может осуществиться только в смерти или в безумии, но не в жизни, не в душевном здоровье.

Выход индивида из регрессивного единства сопровождается постепенным преодолением нарциссизма. В первое время после рождения у ребенка нет даже осознания реальности, существующей вне его, в смысле чувственного восприятия; он все еще един с материнской грудью, с ее соском; он пребывает в состоянии, предшествующем какой-либо дифференциации субъекта и объекта. Некоторое время спустя в каждом ребенке развивается способность дифференцирования субъекта и объекта; но эта способность проявляется лишь в смысле осознания очевидной разницы между "мной" и "не-мной". Однако в аффективном смысле для преодоления нарциссического отношения всезнания и всемогущества требуется развитие до полной зрелости – если такая ступень вообще оказывается когда-то достигнутой. Мы явственно наблюдаем это нарциссическое отношение к действительности в поведении детей и невротиков – с той лишь разницей между ними, что у первых оно обычно сознательно, а у вторых бессознательно. Ребенок не принимает реальность такой, какова она есть, а принимает ее такой, какой ему хочется. Он живет в своих желаниях, и его взгляд на реальность – это то, какой он ее хочет. Если желание не сбывается, он приходит в ярость; функция его ярости в том и состоит, чтобы вынудить мир (через посредство отца и матери) прийти в соответствие его желанию. При нормальном развитии ребенка такое отношение постепенно меняется на зрелое, на осознание реальности и приятие ее с ее законами; а отсюда появляется приятие необходимости. Но у невротика мы непременно обнаруживаем, что он не смог прийти к данному пункту и не отбросил нарциссическое толкование реальности. Он настаивает на том, что реальность должна прийти в соответствие с его идеями; и когда он признает тот факт, что этого соответствия нет, он реагирует или стремлением принудить реальность к соответствию его желаниям (т.е. сделать невозможное), или чувством беспомощности, поскольку он не в состоянии совершить невозможного. Понятие свободы, которым обладает такой человек, сознает он это или нет, есть представление о нарциссическом всемогуществе; тогда как понимание свободы у вполне развитого человека есть признание реальности и ее законов, действие в пределах законов необходимости, продуктивное отношение к миру, овладевание этим миром благодаря своим силам мысли и действия.

Возвратимся теперь к вопросу о благополучии. Как мы определим благополучие в свете всего, что было до сих пор сказано?

Благополучие есть состояние прихода к полному развитию разума – разума не в смысле простого интеллектуального суждения, а в смысле овладения истиной, благодаря тому что мы, пользуясь термином Хайдеггера, "позволяем вещам быть тем, что они такое". Благополучие возможно только в той степени, в какой мы преодолели собственный нарциссизм; в той степени, в какой мы открыты, реактивны, восприимчивы, пробуждены, пусты (в понимании дзэн). Благополучие означает полную и благожелательную связь с людьми и с природой, преодоление отдельности и отчужденности, достижение переживания единства со всем существующим – и вместе с тем чувствование себя самого отдельным существом, таким, каков я семь, индивидом, т.е. неделимым. Благополучие – это значит быть вполне рожденным, быть тем, чем мы потенциально являемся; это значит обладать полной способностью к радости и печали, или, выражаясь еще по-другому, пробудиться от полусна, в котором живет средний человек. Если все это так, благополучие означает также способность быть творческим, т.е. реагировать и отвечать на самого себя, на других людей и на все существующее так, как реагирует реальный, тотальный человек, каким являюсь я сам, на реальность всего и всякого, каким является оно или он. В этом акте истинного реагирования и заключается область творчества, виденья мира таким, каков он есть, и переживания его как моего мира, мира, созданного и преображенного моим творческим обладанием; так что этот мир перестает быть чуждым, "тамошним" миром и становится моим миром. Наконец, обладать благополучием – это значит отбросить свое "я", отбросить алчность, прекратить погоню за сохранением и возвеличиванием "я", быть самим собой и переживать себя в акте бытия, а не в обладании, сохранении, накоплении, потреблении.

Я сказал, что человеку самим фактом его существования задан вопрос, что этот вопрос поставлен наличием противоречия внутри него самого – он пребывает среди природы и в то же время выходит за пределы этой природы в силу того факта, что он являет собой жизнь, сознающую самое себя. Каждый человек, который прислушивается к этому заданному ему вопросу, который "крайне озабочен" ответом на этот вопрос, ответом человека в целом, а не просто ответом его мысли, – такой человек является "религиозным"; и все системы, которые стараются дать такие ответы, учить им, передавать их, оказываются "религиозными". С другой стороны, каждый человек и каждая культура, которые пытаются оставаться глухими к этому экзистенциальному вопросу, являются безрелигиозными. Нет лучшего примера людей, глухих к вопросам, поставленным существованием, чем мы сами, люди двадцатого столетия; мы стараемся уклониться от этих вопросов, заботясь о собственности, о престиже, о власти, о развлечениях; наконец, мы стремимся забыть о том, что мы существуем, о том, что я существую. Неважно, как часто подобный человек думает о Боге или ходит в церковь, как часто говорит о религии, как сильно верит в идеи религии; если он, как человек в целом, глух по отношению к вопросу существования, если у него нет на него ответа, тогда он просто тратит время, тогда он живет и умирает, как миллионы созданных им вещей.

Что является общим для иудейско-христианского и дзэн-буддийского мышления – так это осознание того обстоятельства, что я должен отказаться от своей "воли" (в смысле желания принудить, направить, задушить внешний и внутренний мир) и остаться полностью открытым, чутким, пробужденным, живым. В терминологии дзэн такое состояние часто называется "опустошением себя"; это выражение не означает чего-то отрицательного; имеется в виду состояние открытости для того, чтобы получать. В христианской терминологии подобное состояние часто называли "убить себя и принять волю Бога". Между христианским и буддийским переживаниями, которые оба лежат за этими двумя формулировками, как будто нет значительной разницы. Однако в том, что касается популярных толкований и опыта, такая формулировка означает, что вместо

самостоятельного принятия решений человек оставляет решение на долю всезнающего и всемогущего Отца, который надзирает за ним и знает, что для него лучше. Ясно, что при таком переживании человек не становится открытым и чутким, а делается покорным и послушным. Следование воле Божьей в смысле отказа от эгоизма лучше всего совершается в том случае, если вообще не существует никакого представления о Боге. Парадоксальным образом я действительно следую воле Божьей, когда забываю о Боге. Понятие дзэн о пустоте подразумевает этот истинный смысл отказа от собственной воли, однако не вызывая при этом опасности регрессии и отклонения к идолопоклонническому понятию о подающем помощь Отце.

Средний человек думает, что находится в состоянии пробужденности; но в действительности он пребывает в полусне. Говоря о "полусне", я имею в виду факт его соприкосновения с реальностью. Это соприкосновение оказывается очень неполным, ибо большая часть того, что он считает реальностью (внутри или вне самого себя), представляет собой набор вымыслов, сконструированных его умом. Он осознает реальность только в той степени, в какой это вызвано необходимостью его социальных функций; он осознает своих собратьев-людей постольку, поскольку нуждается в сотрудничестве с ними; он осознает материальную и социальную реальность постольку, поскольку это нужно ему для манипулирования ею. Он осознает реальность в той мере, в какой цель выживания делает такое осознание необходимым. Сознание среднего человека является главным образом "ложным сознанием", ибо составлено из вымыслов и иллюзий, тогда как именно то, чего он не осознает, и есть реальность. Поэтому мы можем провести различие между тем, что человек осознает, и тем, что он начинает осознавать. Осознает он главным образом вымыслы; начать осознавать он может те реальности, которые скрываются под этими вымыслами.

Поскольку сознание представляет лишь малую часть социально предусмотренного, а подсознание раскрывает богатство и глубину универсального человека, состояние подавления имеет своим результатом тот факт, что "я", как случайная, социально обусловленная личность, оказывается отделено от меня, как целостной человеческой личности. Я чужд самому себе, и в той же самой степени каждый другой человек чужд мне. Я отрезан от обширной сферы общечеловеческого опыта и остаюсь лишь фрагментом человека, калекой, который чувствует только малую часть того, что составляет реальность для него и для других.

Человек в состоянии подавления не видит того, что существует; однако он вкладывает свои мысленные образы в вещи и видит вещи в свете этих мысленных образов и своей фантазии, но не в их реальности. Именно это создавание мысленных образов, искажающей завесы, создает и его страсти, и тревоги. В конце концов человек в состоянии подавления вместо переживаний вещей и людей переживает продукцию мозга. Он находится под действием иллюзии соприкосновения с миром, тогда как на самом деле соприкасается лишь со словами. Паратаксические искажения, ложное сознание и умствование, строго говоря, не являются отдельными путями нереального; это скорее разные, однако совпадающие аспекты одного и того же явления нереальности, которое существует столько же, сколько универсальный человек остается отдельным от человека социального. Мы только по-разному описываем одно и то же явление, говоря о том, что человек, живущий в состоянии подавления, есть человек отчужденный. Он проецирует собственные чувства и идеи на предметы, а затем не чувствует себя субъектом своих чувств и попадает под власть объектов, заряженных его чувствами.

Противоположностью отчужденному, искаженному, паратаксическому, ложному, мозговому переживанию является немедленное, непосредственное, тотальное восприятие мира, которое мы видим у младенца и маленького ребенка, пока сила воспитания не изменила эту форму переживания. Для новорожденного младенца еще

нет разделения между "мной" и "не-мной". Такое разделение появляется постепенно и наконец завершается в том факте, что ребенок может говорить "я". Но постижение ребенком мира все еще остается относительно непосредственным и немедленным. Когда ребенок играет с мячом, он действительно видит, как движется мяч, он полностью находится внутри этого переживания; и вот почему это переживание может повторяться без конца, вызывая у него непрекращающуюся радость. Взрослый тоже уверен в том, что он видит, как катится мяч. Это, конечно, верно, если речь идет о том, что он видит, как объект-мяч катится по объекту-полу. Но в действительности он не видит, как катится мяч. Он думает о том, что мяч катится по поверхности пола. Когда он говорит "мяч катится", он на самом деле подтверждает:

a. свое знание того факта, что находящийся перед ним круглый предмет называется мячом;
b. свое знание того явления, что круглые предметы, получив толчок, катятся по гладкой поверхности.

Его глаза действуют с целью подтвердить его знание и таким образом обеспечить ему безопасное существование в этом мире. Состояние свободы от подавления – это также такое состояние, в котором мы снова обретаем то же самое немедленное, неискаженное постижение реальности, простоту и непосредственность ребенка; однако, после того как мы прошли через процесс отчужденности, через развитие интеллекта, свобода от подавления оказывается возвратом к невинности на более высоком уровне; подобный возврат к невинности возможен только после того, как мы ее утратили.

Что же происходит затем в этом процессе, где бессознательное становится сознательным? Отвечая на этот вопрос, нам лучше сформулировать его по-другому. Нет состояния "сознательности" и нет состояния "бессознательности"; есть лишь степени осознания сознательности и осознания бессознательности. Таким образом, нам следует задать вопрос: что происходит, когда я осознаю то, чего не осознавал раньше? В соответствии с тем, что было сказано раньше, общий ответ на данный вопрос гласит, что каждый шаг в этом процессе совершается в направлении понимания фиктивного, нереального характера нашего "нормального" сознания. Стать сознательным по отношению к бессознательному и таким образом расширить наше сознание означает войти в соприкосновение с реальностью и в этом смысле – с истиной (интеллектуально и аффективно). Расширить сознание – значит пробудиться, поднять завесу, покинуть пещеру, внести свет во тьму.

Может ли такое переживание быть тем же самым, которое дзэн-буддисты называют "просветлением", или сатори? Сатори не является ненормальным состоянием ума; это не транс, в котором исчезает реальность; это и не нарциссическое состояние ума, которое можно увидеть в некоторых религиозных проявлениях. "Во всяком случае, это совершенно нормальное состояние ума..." – говорит Д.Т. Судзуки. Сатори оказывает необычное действие на пережившего его человека. "Все виды вашей психической деятельности отныне будут протекать в ином ключе, и эта деятельность окажется более удовлетворяющим, мирным, более наполненным радостью переживанием, нежели все, что вы испытали когда-либо раньше. Изменится весь тонус жизни. В обладании дзэн есть нечто омолаживающее. Весенний цветок покажется более прелестным, а горный ручей – более прохладным и прозрачным".

Вполне ясно, что сатори, описанное в цитированном выше отрывке Д.Т. Судзуки, есть истинное осуществление состояния благополучия. Если бы мы попытались выразить просветление в психологических терминах, я сказал бы, что это такое состояние, в котором человек полностью настроен на реальность вне и внутри него, состояние, в котором он целиком осознает реальность и полностью ее воспринимает. Он осознает это – иначе говоря, осознает не его мозг, не какая-то другая часть его организма, а он, человек в его целостности. Он осознает это, т.е. осознает реальность, не какой-то

внешний объект, который воспринимает при помощи своей мысли, а это – цветок, собаку, человека в их полной реальности. Он тот, кто пробудился, кто открыт и восприимчив по отношению к миру; он способен быть таким открытым и восприимчивым, потому что перестал держаться за самого себя, как за предмет, и таким образом стал пустым, готовым принимать. Быть просветленным означает быть "тотальной личностью, полностью пробужденной к реальности".

Эта цель полного пробуждения сферы бессознательного при помощи осознания вполне очевидно является более радикальной, чем общая цель психоанализа. Легко увидеть и причины: достижение подобной тотальной цели требует усилия, далеко превышающего те усилия, которые люди Запада в большинстве своем пожелают совершить. Но даже целиком оставляя в стороне вопрос об усилии, мы должны иметь в виду, что только отчетливое представление такой цели возможно лишь при некоторых условиях. Прежде всего, эту радикальную цель можно ясно увидеть только с точки зрения определенной философской позиции. Нет необходимости детально описывать эту позицию. Достаточно сказать, что она направлена не на отрицательную цель, не на отсутствие болезни, а на положительную цель, на наличие благополучия; это благополучие понимается в смысле полного единения, непосредственного и незамутненного постижения мира.

Но было бы ошибкой полагать, что радикальная цель устранение состояния подавления – не имеет никакой связи с целями психотерапии. Точно так же, как мы признали, что излечение какого-нибудь симптома и предупреждение формирования будущего симптома невозможно без анализа и перемены характера, мы должны признать, что и изменение той или иной черты невротического характера невозможно, если мы не преследуем более радикальную цель – цель полного преображения человека.

Что же происходит в процессе психоанализа? Человек впервые ощущает, что он тщеславен, испуган, полон ненависти, тогда как сознательно был уверен в том, что является скромным, храбрым, любящим. Это новое прозрение может потрясти его; однако оно открывает ему двери прозрения и дает возможность прекратить проецирование на других подавляемых в самом себе качеств. Он продолжает анализ; он переживает внутри себя младенца, ребенка, подростка, преступника, безумца, святого, художника, мужчину и женщину; он приходит к более глубокому соприкосновению с человечеством, с универсальным человеком; он подавляет меньше; он становится более свободным, менее нуждается в проецировании, в действиях мозга; затем он впервые становится способен почувствовать, что видит цвета, видит покатившийся мяч; его уши внезапно открываются для музыки, тогда как до настоящего времени он только слушал ее; ощущая свое единство с другими, он может впервые уловить проблеск иллюзии, говорящей ему, что его отдельное индивидуальное "я" есть нечто, что за него можно держаться, можно его культивировать, спасти; он почувствует бесплодность поисков ответа на вопросы жизни при помощи обладания собой, а не при помощи бытия и становления самим собой. Все эти переживания оказываются внезапными и непредвиденными, лишенными интеллектуального содержания; однако после них человек чувствует себя более свободным, более сильным, менее озабоченным, чем он был когда-либо раньше. Подлинное психоаналитическое прозрение приходит, не будучи вынужденным, даже не будучи предусмотренным. Оно начинается не в мозгу, а, пользуясь японским образом, в животе. Его нельзя адекватно сформулировать в словах; а если кто-то пытается это сделать, оно ускользает; и все-таки оно реально и сознательно и оставляет пережившего его человека изменившимся.

Я предположил, что метод раскрытия бессознательного, если его довести до крайних следствий, может оказаться шагом к просветлению – при условии, что он применяется внутри философского контекста, наиболее радикально и реалистически выраженного в

дзэн. Но только многочисленные дальнейшие опыты применения этого метода показывают, как далеко он может нас повести. Выраженная здесь точка зрения подразумевает только возможность и, таким образом, имеет характер подлежащей проверке гипотезы.

Но что можно сказать с большей определенностью – так это то, что знание дзэн и его практика могут оказать чрезвычайно плодотворное влияние на теорию и технику психоанализа и многое в них прояснить. Дзэн, столь отличный в своих методах от психоанализа, может заострить фокус, бросить свет на природу прозрения, повысить ощущение виденья, творчества, преодолеть аффективную запятнанность и ложную интеллектуализацию, которые являются неизбежными результатами опыта, основанного на противопоставлении субъекта объекту. В самом своем радикализме по отношению к интеллектуализации, авторитету и заблуждениям "я", в своем подчеркивании цели благополучия мысль дзэн углубит и расширит горизонт психоаналитика и поможет ему прийти к более радикальному пониманию постижения реальности как последней цели подлинного, полного и сознательного осознания.

Если позволить себе дальнейшие спекуляции относительно связи между психоанализом и дзэн, можно думать, что существует возможность значимости психоанализа для изучающих дзэн. Я могу представить эту значимость в виде помощи, позволяющей избежать опасности ложного просветления (которое, конечно, не является просветлением), чисто субъективного состояния, основанного на психотических или истерических явлениях, а также на самонаведенном состоянии транса. Аналитическое прояснение может помочь изучающему дзэн избавиться от иллюзий, отсутствие которых и есть самое важное условие просветления.

Какое бы применение ни нашел дзэн в психоанализе с точки зрения западного психоаналитика, я выражаю свою благодарность за этот драгоценный дар Востока. Подобное понимание не было бы возможным, если бы не тот факт, что "природа Будды заключена внутри всех нас", что человек и существование суть универсальные категории, что непосредственное постижение реальности, пробуждение и просветление являются универсальными переживаниями.